

федре была подчинена Майнцу, в те времена крупному экономическому и культурному центру; к хронологически и территориально относительно отдаленным реминисценциям тут не было, пожалуй, вначале интереса. Таким образом, в молчании «Crescente» не нужно усматривать преднамеренность, тем менее — предвзятость.

Проблема выступит резче и яснее, если мы сформулируем ее в терминах критики источников: какие источники для написания вводных глав были в распоряжении Кристиана? И были ли эти источники доступны пражскому автору уже при епископе Дитмаре? Можно думать, что Кристиан опирался, по существу, на те же источники, которыми располагает и современный историк кирилло-мефодиевской эпохи, что положение здесь такое же, какое мы констатировали в вопросе передачи Кристианом судеб Вацлава и Людмилы. И, конечно, Кристиан, судя по всему, обращался с Кирилло-Мефодиевской легендой так же свободно, в соответствии с потребностями композиции и своими идейными установками, как и с Вацлавской легендой и особенно Людмилинской. Едва ли можно возражать против утверждений Вейнгарта, что Кристиан был знаком с Паннонскими житиями и с Житием Наума. Прежним исследователям мешало предвзятое мнение, что в Чехии X в. две существовавшие литературы — старославянская и латинская — были изолированы друг от друга. Эта предвзятость опровергается тем фактом, что Кристиан пользовался 1-м старославянским житием Вячеслава.

В этом плане важней всего вопрос: каким путем кирилло-мефодиевская письменность попала в руки Кристиана и была ли она известна в Чехии уже при епископе Дитмаре? По существу дела есть две возможности: или славянская культура бытовала у нас и непосредственно в Чехии Пржемысловцев непрерывно с IX в., или же кирилло-мефодиевские литературные памятники были принесены сюда незадолго перед написанием труда Кристиана извне — скорее всего из Болгарии. Конечно, обе возможности можно соединить и предположить, что слабеющая традиция, непосредственно связанная с эпохой Мефодия, была усилена новым влиянием болгарского культурного центра. В чистом виде первый тезис (о непрерывной чешской традиции) отстаивать трудно, ибо сообщение Кристиана о том, что болгары были крещены ранее моравян, взято из болгарского источника, или из Жития Наума, или из другого источника, хотя бы устного. Практически приходится решать: какова была роль непрерывной местной традиции и источников, недавно полученных из других славянских стран, среди источников Кристиана.

Мы не располагаем положительными фактами, которые говорили бы о непрерывности местной традиции. О живых же сношениях тогдашней Чехии с Болгарией свидетельствуют некоторые упоминания Кристиана, в частности его слова о расцвете богослужения на славянском языке: «quod et usque hodie in partibus Sclavorum a pluribus agitur, maxime in Bulgariis, multaque ex hoc anime Christo domino acquiruntur». Историческая обстановка была крайне неблагоприятна для сохранения в нашей стране кирилло-мефодиевских культурных достижений. Само имя «Моравия» совершенно исчезает из исторических памятников X в. Показательно, что оно встречается лишь в архаизирующих Пильгримовых подделках. Было бы совершенной иллюзией думать, что Пржемысловцы, овладев после битвы на Лехе (955 г.) Моравией, нашли там богатую библиотеку или даже библиотеки произведений кирилло-мефодиевской письменности. Единственная мыслимая возможность здесь та, что произведения эпохи Мефодия попали в Чехию еще до опустошения Моравии и падения ее могущества. Но и Чехию первой половины X в. мы отнюдь не должны представлять